

ВЕРА ЯСИНЕЦКАЯ

Записки Эгоиста

Вера Ясинецкая

Записки Эгоиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831966

ISBN 9785449089526

Аннотация

Эта книга о любви и об эгоизме. О проблемах и вопросах, с которыми начинает сталкиваться автор, когда начинает познавать мир любви и физических влечений. Это обратная сторона жизни, не прикрытая условностями. В этой книге автор раздевает душу, чтобы быть услышанным. Книга состоит из занимательной прозы, а также является первым сборником стихотворений автора, в который вошли произведения последних десяти лет.

Содержание

От автора	5
Пролог	7
I Начало	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Записки Эгоиста

Вера Ясинецкая

*«Вот уже возраст стремится к четверти века
и что-то в голове кукарекает.*

*Пока не слишком настойчиво,
но, как известно, вода камень точит,
а человека – мысли.»*

Егор Четырестачетыре, «Улыбаться»

© Вера Ясинецкая, 2018

ISBN 978-5-4490-8952-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда в 18 лет я приходила устраиваться тогда ещё на практику в организацию, где работаю почти семь лет, меня попросили заполнить форму-резюме. Одна из граф в нём звучала как «Жизненные цели». Я написала в ней всего два слова: «Издать книгу». Все ожидали увидеть профессиональные достижения, желаемые должности, на худой конец – три красных диплома. Все, кто читал мою анкету, задавали один и тот же вопрос: «Почему?». Я всем отвечала, что пишу стихи и хочу выпустить в свет свою книгу. А работа – это не цель, всего лишь средство.

Когда мне было 15 или 16 лет, я сидела на кухне у своей подруги и рассказывала, что хочу набить себе татуировку. Тогда её мать сказала, что не видит смысла запрещать это, но нужно обязательно подождать до 25 лет, когда сформируется полностью кожа, и тогда, если я не передумаю, можно делать всё что угодно. Этот человек был и остаётся для меня авторитетом, я слышала её.

Через месяц мне исполнится 25 лет. В одном из московских клубов пройдёт презентация моей дебютной книги «Записки эгоиста». Ещё месяц назад я сказала маме своей подруги, что храню в памяти её слова и скоро сделаю татуировку, осталось ждать всего несколько недель. Она сказала, что если я до сих пор не передумала, то это уже не важ-

но, ничего не поменяется. Если я хочу такой подарок себе на день рождения – стоит сделать сейчас, чтобы всё успело зажить к празднованию. Сегодня на моём теле появилась первая картина, иллюстрирующая мою жизнь.

Я не знаю, что нужно делать, когда прожил уже четверть века, и как подводить итоги этих лет. Но когда я проводила черту во времени, которую мне скоро предстоит перейти, я поняла, что хочу разобраться с целями, которые ставила себе в сознательном возрасте, но так и не добилась. И я подвела свои итоги. Один из них сейчас перед вами.

Пролог

«Говорят: «Не мечите бисер

перед свиньями»,

но я не сказал вообще

ничего сильного.»

Егор Четырестачетыре, «Высер»

Когда мне было 17 лет, я впервые вышла читать свои стихи со сцены. Тогда публикой ценились твои чувства, мысли, переживания. Зал готов был соболезовать и восторгался уже тем фактом, что ты можешь что-то писать и не боишься выйти к микрофону. Тебя мотивировали расти, развиваться, учили красивым речевым оборотам, каноничному стихосложению. Чем выше и краше были твои мысли, чем добрее были истории – тем больше ты получал поддержки. Сейчас всё изменилось. Когда я прихожу на современные чтения, я вижу, как аплодируют глупым и низким шуткам, мату, социальным стихам, которые затрагивают самые гадкие пороки человеческого общества. И, в основном, мужчинам. А если ты женщина, если не можешь наравне с мужчинами поливать грязью весь мир – тебя в лучшем случае не услышат, а зачастую и вовсе поднимут на смех. Современному обществу не нужна лирика, им нужны скандалы и развлечения. А если ты хочешь внимания, но несёшь под собой только нежные любовные истории – раздевайся. Делай шоу – покажи грудь,

станцуй, поцелуй взасос первого встречного.

Я часто читаю со сцены стихи современников, но всё тех, которых знала лет пять назад, и кого на сцене уже не вижу. Тех, в чьих строках сохранилось время, когда в маленьких барах с дешевым пивом собирались сотни открытых и добрых людей. И только пара десятков из них выходили на сцену. А остальные умели слушать. То время всё ещё живёт в моих воспоминаниях, ради него я продолжаю организовывать концерты, создаю новую арт-площадку. Я хочу его вернуть.

А ещё я хочу быть услышанной. В зале у микрофона под светом софитов я жду вздохи зрителей, комментарии, аплодисменты – внимание к себе. И сейчас, в этой книге, я раздеваюсь перед вами. Предстаю нагая, обритая наголо, а в руках держу перо и пергамент. С пера капаят свежие чернила, а по щеке медленно катится одна единственная слеза. Я отдаю дань современной моде. А ещё дань тому времени, когда ты раздевал на сцене свою душу стихотворениями, не ради пошлости, а потому что больно, и чтобы эта боль не разорвала тебя на миллионы осколков – её нужно выплеснуть наружу.

Эта книга перед вами – мои мемуары. Мои старшие знакомые сказали, что издавать такие произведения в столь юном возрасте – это признак эгоизма. Что же. Я – эгоист. Самовлюбленный и самоуверенный. И я этим горжусь. А ещё тем, что даже сейчас я уже добилась очень многого. Увидела мно-

гое. Пережила многое. И часть этих историй я хочу рассказать в этой книге. Назову я её «Записки». И повествование, в такт названию, будет идти небольшими кусочками – записками. Разбавлю их стихотворными зарисовками. Результат для большего пафоса приправлю цитатами любимых мною современников, достаточным количеством, чтобы это бросалось в глаза, но не затмевало основного автора. Коктейль готов, «Записки эгоиста» поданы.

I Начало

*«Пока-то мы можем своими правилами
упиваться,*

*пускай в спину дышат обязанности,
пускай нам дофига всего навязали
и продолжают навязывать.*

*Пока-то мы можем прикидываться вяжами
и что лыка не вяжем.»*

Егор Четырестачетыре, «Улыбаться»

Говори. Говори. Говори.

Ты научилась говорить красиво – так говори!

Пока свеча горит можно творить.

Без слов. Без музыки.

Без обещаний.

Без смысла встреч или прощаний.

Без мира, где лютуют злые языки.

Скрипят гитарные колки.

Гриф плачется под силой натяженья нити.

За полчаса безмерное количество событий.

За пять минут вы – лютые враги.

Полнеба – как полжизни.

Звучит не меньше и не больше, но легко.

Там говорить красиво нужно, высоко,
Припав на разможжённые колени.

А дальше – выше,
Там, где крылья не считаются наградой,
Там с серебром в висках и перьями бригады
Учились снова слышать.

Твоя же участь – просто говорить.
Не всем и это уготовлено судьбою,
Но от незнания Устами стала ты, рабою.
Под этим грифом продолжаешь жить.

И продолжаешь вновь дышать и вновь творить.
И, может быть, и Там тебя услышат.
Но души мира равнодушьем дышат.
Они уже не помнят, как любить.

А ты запомнишься своей надеждой и мечтой.
Своими криками, стремленьями, печалью.
Ты будешь говорить для них с рассвета до прощанья.
И вновь не сделав ничего, умрёшь. Умрёшь рабой.

Я начала писать стихи в школьные годы. Первые стихотворные строки рождались в моей голове ещё лет в восемь-десять, когда у меня «в детстве был тяжелый период», мне было важно и нужно выговориться. Было весело, но из этого периода не сохранилось ничего, в том числе тол-

ковых воспоминаний.

Осознанно я начала писать с восьмого класса школы, около тринадцати. Дурной возраст, тогда начинались первые истории про вредные привычки. Тогда меня научили грубить родителям, тратить деньги на ненужную ерунду, связываться с дурными людьми, курить и пить. То есть всему, чему моё поколение по большей части уже научилось и яро пропагандировало. Правда, научиться – не значит делать. Курить и пить систематически мы начинали скорее в четырнадцать. К пятнадцати большинство уже потеряло девственность, появились «заядлые» курильщики, первые алкоголики. В шестнадцать большинство успело попробовать лёгкие наркотики, кто-то успел подсесть.

Мне повезло в чём-то больше, в чём-то меньше. Наркотики я не пробовала до сих пор, если не причислять к ним сигареты с никотином, табачные кальяны, алкоголь и газировку Пепси. Последняя для меня – как кофе для офисного работника. Сам кофе я не пью уже пять лет. С девственностью тоже шло лучше, её я лишилась с первым мужем, на тот момент будущим, в семнадцать.

Правда в четырнадцать я пережила попытку изнасилования, по собственной же глупости. Очень хорошо помню: был праздник, 23 февраля. На улице стояла приятная тёплая погода. Мы с несколькими младшими подругами и моим одноклассником, на тот момент лучшим другом, стояли, курили, собирались пойти выпить. Нас спалил отец двух моих млад-

ших подруг. Прикрылись тем, что нам с другом по 18, ку-рим мы, а девчонки просто стояли рядом. Поступил вопрос «Раз вы взрослые – идем со мной пить водку, мне не с кем, а очень хочется». Отказ мог быть воспринят как неуважение, или как отсутствие взрослости. Или же тогда так просто ка-залось. Я посмотрела на подруг, они мол – ну идите, а чего такого. Смотрю на друга, с мальчишкой-то не страшно, вме-сте придём и уйдём. Он пожал плечами. Мы согласились. Я не видела в этом ничего страшного – я часто пила в компа-нии чьих-то родителей и их друзей, мы всегда спокойно об-щались, всем было интересно. Что могло пойти не так?

Пришли в квартиру, пили. Другу стало плохо, он блевал в ванной, а потом уснул на софе. Я была пьяной, сильно, но плохо мне не было. Я уже очень хотела домой, но друг не мог никуда идти. Я не могла оставить его. Тогда я не зна-ла, что можно просто вызвать такси и увезти друга. Тогда моя мама не разрешала водить пьяных гостей. Да и пить то-же. А я не могла объяснить ей, что иногда это бывает про-сто очень нужно. Тогда у меня не было друзей, готовых по-мочь, увезти, вписать. Отец подруг сказал, чтобы я не нерв-ничала, выходные – торопиться некуда. Мы сидели рядом, разговаривали. Вдруг он посадил меня на колени и начал це-ловать. Я целовалась в засос впервые. Он сказал, что я целу-юсь хорошо. Я сказала, что дальше это зайти не может, я же дружу с его дочерьми. Он сказал, что всё равно собирается разводиться, и ему плевать. Он продолжил целовать меня,

жарко и... приятно. Он держал меня за талию, достаточно крепко, чтобы я не могла вырваться, но не делал при этом больно. Не знаю, чем это могло кончиться. Не знаю, почему тогда уже проснувшийся друг смотрел, но ничего не делал. Но в тот момент я не об этом думала. Я даже не боялась. Я не была готова к такой ситуации, не знала, что делать, что говорить, что думать. Мой друг смотрел и молчал. Думаю, он тоже не был к такому готов.

Мне повезло уйти целой – жена этого человека вовремя пришла домой. Я, хватая за шкирку друга, пулей вылетела из квартиры, наговорила ему гадостей. И получила от него по лицу, заслуженно. Но никто не объяснял мне, что такое может случиться. Что друзья, которые сидят рядом, могут не вытащить, а взрослые могут хотеть предавать и получать свою выгоду, своё удовольствие, даже если ты подруга их дочерей. И что эти дочери на следующий день придут и избьют тебя, потому что из-за тебя их родители разводятся. И ещё через день. И ещё. А ты с ранних лет дерешься с парнями, но не можешь дать сдачи девочке. И что страшнее, не понимаешь степень своей вины. А друг, который с тобой с первого класса, и с которым вы пили вместе, который всё видел – заперся дома и не разговаривает ни с тобой, ни с кем-то ещё. А нужны его слова, его поддержка... Да пусть хоть наорёт, хоть что-нибудь... Ты терпишь побои, а потом выходишь на стрелку со старшей из сестёр, чтобы это всё кончилось. Подставляешься, потому что всё ещё не можешь бить

девочек. Падаешь. А младшая уводит старшую и говорит ей, что больше в этом нет смысла, всё кончено, весь двор видит, что Вера повержена. Они уходят, а ты остаешься лежать на деревянном полу беседки на детской площадке. Саднит рука и что-то в районе рёбер. Мысли в каше, а ты даже не можешь заплакать. Боялась ли я? Только одного: ударить её в ответ. Понимала ли я тогда, что происходит, кто прав, а кто виноват? Нет. Понимаю ли сейчас? Сейчас это уже не важно. Да и тогда важным было не это.

Именно после таких историй ты начинаешь задаваться вопросом, а не выдумали ли любовь. Тебе до неё ещё далеко, а по старшим ты её не понимаешь. Анализируешь своих и чужих родителей. Среди моих школьных знакомых две семьи из трёх имели проблемы. И это только то, что знали в том возрасте мы, и что нам тогда по большому секрету рассказывали мамы после родительских собраний. Мы не знали толком ничего. А на экране телевизора и в книгах всё выглядело иначе, очень красочно. Люди, у которых есть дети, различаемы только смертью. Разрыв или, не приведи, развод – это что-то постыдное и дурное. Правильные браки должны держаться десятилетиями. Друзья не предают, а сёстры не уводят мальчиков, которые тебе нравятся. Спать с человеком можно только по любви, а учиться целоваться лучше с помидорами.

Что есть любовь? Привязанность, иль чувство,
Что сердце заставляет биться вновь?
Болезнь, иль то, что двигает искусство?
Скажите мне, так что же есть любовь?

Однажды человек влюблен,
По миру бродит он сквозь сон.
Вдыхает аромат весны,
Для него нету тишины.
Вокруг него любовь поет,
Везде светло, и всё цветет,
Нет черного и тьмы ночной,
И серый цвет сейчас цветной,
Душа летает в облаках
И счастье теплится в руках,
Слова все радости полны,
Любовью мысли все пьяны...

Но, вдруг, случается разрыв,
И сердце – как один нарыв,
Весь мир становится как ад
И всюду ядовитый смрад,
Все птицы – гарпии теперь.
Закрыта к счастью плотно дверь,
Вокруг всё тускло и темно,
И занавешено окно,
А человек не пьет, не ест,
И ненавидит всех невест.

Всё счастье чуждое ему —
Больному, злomu, одному...

Так что же, что любовь за чувство?
Когда влюблен, его ты признаешь, а после нет.
Сейчас мне не ответило искусство,
Так что же есть любовь, кто даст ответ?

Курить я научилась на даче, тоже в тринадцать. У нас была компания из девчонок на год-два меня старше. Одну из них учили курить правильно, в затяг, показывая этот метод и через сигареты, и через тростинки, и как только не изгалялись. Мне не предлагали тогда и ничему не учили, я была младшая, считалось, что мне ещё рано. А вот обучение подруги мне сильно надоело уже после первых двух часов, не говоря про третьи сутки. Тогда я взяла сигарету у девчонок и объяснила «ученице», что нужно делать, уже своими словами. Научить удалось со второго раза. Научиться самой – с первого. А вот именно покуривать и покупать себе сигареты я начала в четырнадцать.

После истории с девчонками и их отцом, я искала новую компанию. Дворовые ребята меня избегали, в школе я общалась только с тем самым другом, который закрылся на месяц дома. Общих интересов больше ни с кем не было. Но и проблем не было тоже. Все мальчики в классе общались только с мальчиками, а девочки только с девочками, и только про юбки, макияж и современных популярных артистов. Мне

всё это было абсолютно не интересно. Рок-музыку и рок-тусовку я тогда не знала, а ДДТ, Кино и Машина времени (единственная музыка подобного жанра, которая пробивалась на доступные мне экраны и радио), кроме меня никому толком не нравилась. Только одной девочке в классе, диски подаренные которой до сих пор лежат в моей коллекции. Она познакомила меня с творчеством группы Воскресенье и Константина Никольского. Ей тоже было скучно с другими девочками. Мы общались, играли, сидели за одной партой. Но я не всегда понимала её, она мне казалась странной. Она была высокой, у неё были большие торчащие зубы, она была спортивной, но несколько неуклюжей. Вне школы я старалась её избегать. Как стала избегать её позже и в школе, как только у меня появились другие друзья. Сейчас мне стыдно за это, она была хорошей и доброй. Думаю, я сильно её обидела. Но тогда я не понимала этого, не хотела понимать. Сейчас иногда я захожу на её страницу в социальной сети. Судя по фото, она вышла замуж, и у неё двое замечательных детей. Она выглядит счастливой. Я искренне рада за неё. Но никогда ей не напишу.

Тогда, в поиске новых друзей, я пристроилась к компании той самой старшей подруги с дачи, волей судеб, живущей в том же районе, но учившейся в другой школе. Не то чтобы тем для разговора у них было действительно больше, но эта компания была рада новому шуту, а мне просто нравилось с ними пить. И курить. Потому что они были старше, но при-

няли меня и нам не было скучно. Я притворялась взрослой, они смеялись и рассказывали мне о проблемах, с которыми сталкивались. И не так уж важно до поры до времени было то, что ни одна из них меня ни во что не ставила, что они сосали из меня деньги на алкоголь и лгали мне каждый день в глаза – это была их цена, а они были нужны мне. Я научилась с ними пить. К алкоголю я была более стойкой, поэтому с ними же я научилась обращаться с пьяными людьми и убирать за ними квартиры. Такси, вписки и другая помощь нетрезвым товарищам стали для меня понятными и простыми. С ними я не вспоминала про ту историю. В те дни, когда мы не встречались, я ела, спала, училась, читала, плела из бисера и вышивала крестиком. Просто один ребенок из целого поколения. Поколения эгоистов.

Пить я начала очень рано. Несмотря на то, что всегда видела перед глазами примеры, почему этого делать не стоит. Алкоголики-отцы, которых выгоняли на улицу, алкоголички-матери, которые избивают детей. Много было таких историй в нашем дворе. Какие-то особенно западали в детскую память. Например, история подруги, которая рассказала, как её мать утром на кухне закуривая первую сигарету заматывала бинтами вены, криво порезанные накануне вечером, после очередной бутылки водки. А у женщины два высших образования и очень положительные родители. Мать-разведёнка, настраивавшая ребенка и отца друг против друга. И это уже не мой ровесник. Это человек на двадцать лет меня стар-

ше. Это то поколение, которое учило нас с детства жизни, поступать правильно, строило свой непоколебимый образ идеала сознательности и чести. Каким идеалам верить? Когда тебе шестнадцать, ты считаешь, что уже многое понимаешь, что ты вправе осуждать старших. И ты становишься сильно категоричен в своих заявлениях. Когда ты теряешь веру во всех, кто тебя окружает, у тебя остается только вера в себя.

Стекает кровь по вене,
И, кажется, на деле
Теряет тело силы.
О боли ты просила,
И лезвие прошлошь.
Желание сбылось?
Вот, тяжелеет взгляд,
И красится наряд.
Кровавые черты
Трагичной красоты.
Ты так кричала «боли!»
И боль теперь на воле.
Держать в себе не надо —
Свидетелей нет рядом.
Никто и не спасет.
Свела ты с жизнью счет.
И вот, ты на суде.

И, кажется, в беде.
Твой ангел улетел.
В глаза не посмотрел.
И от Него вопрос.
Он, не скрывая слёз,
Пронзающе спросил:
«Зачем?» Глаза закрыл.
«Там утром дочь придет,
И сразу всё поймет.
Тебе её не жаль?!
Какая же ты тварь...
В глазах твоих лишь страх,
А сердце твоё – прах.
Ведите в ад её,
Получит там своё.»
Вот, темный коридор.
И дверь, будто затвор...
В кровати ты проснулась.
Вскочила, оглянулась...
Да, это было сном.
Ты думала о том,
Не сделала – уснула.
Ногой бутылку пнула,
И водка разлилась.
Поднять ты собралась,
А её дальше катит...
Так может быть всё, хватит?!

Такие громкие истории рушат веру во взрослых, в авто-

ритет – много во что. Но почему-то совсем не отвращают от алкоголя. И вот, тебе семнадцать, ты радостно распиваешь пиво в баре, не задумываясь о последствиях, потому что уверен, что не изменишь себе. Останешься в своём уме, при своём рассудке. Мне удавалось это почти всегда. И уже давно я научилась делать это «всегда» абсолютным. Исключения, как водится, были роковыми. Но об этом позже. А сейчас ты только начинаешь понимать, что в барах пусть и дорого, но сильно приятнее, чем у помойки во дворе. Ты толькоходишь во вкус, читаешь со сцены первые стихотворения. Ты ещё верен себе и смеёшься над всеми последствиями, оставляя на салфетке зарисовки для завтрашнего стиха.

Слезы и боль,
А потом алкоголь.
Смех и веселье —
Дальше похмелье.
Эмоции – грех,
А за ним пьяный смех.
Радость, улыбки —
Как пена зыбки.
А дальше что?
В голове ничего.
А дальше бред:
Алкогольный рассвет.
А перед ним

Пенною заслоним
Мысли потери,
С ним улетели.
Градус в теле.
Снова похмелье.
Слова в голове
Снова сгинут в вине.

А вот писать стихи я начала раньше, чем всё это началось. Когда ещё не было в голове этих мыслей, воспоминаний. И очень долго я не понимала, как люди пишут в состоянии алкогольного опьянения. Я в нём ничего толкового написать не могла. И когда я смотрю на стихи восьмого класса, юные и наивные, я думаю, что хочу доработать их и выпустить в свет, считаю их хорошими и сильными, но сыроватыми. А что-то более законченное и осмысленное я писала уже в десятом классе, в пятнадцать. Я очень хорошо помню, как написала тогда стихотворение «История под липою», про смерть двух молодых людей. Эта история очень понравилась моей школьной учительнице. Она была очень похожа на «Ромео и Джульетту». Но, к сожалению, я потеряла его текст уже очень давно. А факт его существования забыть не могу. Наверное, это значит, что оно вернётся. Зато сохранилась «Ночь», которая была написана с ним в один день.

«Ночь»

Дремлют улицы в желтых огнях,
И снежок их слегка прикрывает.
В этих долгих унылых днях
Никто ни о чем не узнает —

Ни о глупых слезах твоих,
Ни о сгоревших во тьме мечтах.
Среди тысяч огней чужих
Станет легче в своих стенах.

Ночь укроет тебя пеленою,
И ты сладко мирно уснешь.
Сны о счастье плывут над тобою,
О них утром ты напоешь.

А сейчас насладись мечтами,
Пока ночь с тобою играет,
Душа грезит цветами,
И рассвет их ещё не скрывает.

А ещё в десятом классе я уже всю слушала рок, нелюбовь к юбкам обернулась любовью к цепям и рваным джинсам, а непонимание и отрицание меня одноклассницами сменилось признанием наличия альтернатив. Именно тогда я поняла, что очень важно иметь четкую позицию. Если ты можешь внятно назвать свои интересы и готов их отстаивать – часто и отстаивать их уже не нужно. Именно в то время я начала подражать любимым исполнителям, брать темы

для стихотворений в любимых песнях. Ведь это так круто!
А вдруг мои кумиры однажды их увидят, и им понравится?
Вдруг однажды я напишу слова для песни, которую позже
сыграют?

«Шулер»

Один бедняга-шулер
За карточный сел стол.
Да только вот удачи
Сегодня не нашел.
Все фокусы раскрыты,
Разбиты зеркала,
И тело всё помяли,
И душу из стекла.
И раз уже не в первый
Разбито лицо в кровь,
И с неудачей верной
Идет он домой вновь
А он ведь был научен
Обманывать людей,
Его фокусов ночью
Не знал никто верней.
Вот только надоело
Всё врать да плутовать.
Ему науку эту
Во веки бы не знать.
Но разве от безделья
Он плутовать пошел?

Неужто он занятый
Приличней не нашел?
Нет, просто нужны деньги,
И срочно, пареньку —
Купить жене лекарства
И на блины муку.
Работу не нашел он —
Пришлось в воры идти,
Других путей добычи,
Увы, но не найти.
И вот он каждый вечер
Идет на этот грех.
И честно, что тут брешить,
В том ждет его успех.
А на душе паршиво,
Чего и говорить,
Ведь с детства не мечтал он
Играть и столько пить.
А в детстве так мечтал он
Под парусом ходить,
Сестренке из-за моря
Подарки привозить...
Но так судьба сложилась:
Теперь он вор и плут,
И шулером паршивым
Навек его зовут.

Пустынная черная бездна,
Один лишь лежит в темноте.
Его жизнь – она безвозмездна,
Поэтому он и в беде.

Глубокие черные волны.
И черные льдины вокруг.
И полно надеяться, полно,
Морфей здесь единственный друг.

Полярные вечные ночи,
Полярные вечные льды...
Кричи же, кричи что есть мочи!
Но ты не сильнее воды.

«Осенний вечер»

Осенний вечер в тишине
Принес дыхание рассвета,
И Ваш вопрос сегодня мне
Опять оставлю без ответа.
Мне не нужны Ваши слова,
И не важны Ваши желанья.
Здесь предрассветная трава
Развеет наши обещанья.
В ночи сегодня я уйду,
Сбегу от солнца и ответа.
Здесь, в нашем памятном саду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.